

Встреча восьмая с Вале́й Климентьевым

Эту станцию ты, конечно, много раз проезжал. Исчезнет за склоном горы синее море, прогрехочет поезд в тоннелях и остановится у перрона, еле сдержав свой бег.

Тоннельной называется станция, а посёлок – Верхнебаканским. Лежит он у перекрёстка дорог. Едут отсюда в Анапу и Керчь, Новороссийск и Геленджик.

Есть возле станции улица Железнодорожная. И дом стоит один, он до войны там был. Жил в нем Валька Климентьев.

Ничем особенно вроде и не знаменита его жизнь.

В Тоннельную Климентьевы переехали из Новороссийска. Купили в посёлке дом. Валя ходил в школу, что совсем неподалёку, минут пять, не больше, а если бегом – то и меньше. Школа тоже стоит сейчас, только пристроили к ней новый корпус.

Отец Валентина был хорошим фотографом. К тому же отлично играл на пианино и других музыкальных инструментах. Валя тоже пробовал подбирать кое-что одним пальцем.

По долинам и по взгорьям

Шла дивизия вперёд...

Неплохо получалось.

А вообще он мечтал стать лётчиком, подражая, наверное, брату Владимиру, который окончил лётное училище. И Валька тоже тянулся туда.

Но потом в восьмом классе защеголял в тельняшке. Мечта, наверное, переменялась. В таком возрасте она часто меняется, совсем не удивительно. Сам знаешь.

Перед войной тяжело заболел отец. В больнице пролежал недолго...

С кладбища возвращались вечером. Валентин шёл рядом с матерью, слегка поддерживал её.

– Вот и стал ты единственным мужчиной в доме, – тихо сказала Евдокия Ивановна.

А мужчине шёл шестнадцатый.

Только не он один вдруг повзрослел. Война началась...

Грохотали на западе бои, с тревогой вслушивались все в сводки Совинформбюро. Запылённые бойцы проходили через посёлок, спешили в Новороссийск. Где-то сражался Валькин брат Володя. Потом письма перестали приходить. Тревогой наполнился Валькин дом. Места не находила мать. Как мог, Валька успокаивал её:

– Чего ты. Просто не доходит почта.

А сам с беспокойством ждал прихода почтальона.

Каждый день прилетал фашист, бомбил посёлок. А по ночам небо на западе так и полыхало. Новороссийск горел...

В школе занятия шли своим чередом, только всё больше учителей не появлялось на уроках. Уходили на фронт. Меньше учеников оставалось за партами. Эвакуировались.

Климентьевы никуда не уехали.

– Не дело это – кочевать, – сказала Евдокия Ивановна. – Лучше у дома своего. Как-то спокойнее.

Багровое небо полыхало над посёлком. Последние наши эшелоны ушли. Оккупанты в грязно-зелёных мундирах вступили в Тоннельную. По-хозяйски расположились, будто навек. Чужие надписи на табличках улиц, лающая речь.

С болью смотрел Валька на введение «нового порядка».

Что же делать? Что? Эта мысль не давала покоя.

– Уйду в партизаны! – решил вдруг. – Где-то на хуторах есть отряд.

Да, поговаривали в посёлке, что неподалеку партизаны. А кое-кто из соседей и сам собирался махнуть в горы.

Так и ушел Валентин к партизанам.

Если б знали в Тоннельной, что он стал ординарцем самого командира!

Отряд был небольшой – человек тридцать-сорок, но наносил немало вреда фашистам: делал смелые вылазки в тыл врага, помогал проводить разведку, всячески мешал гитлеровцам.

И тогда они выслали карательный отряд, который начал тщательно прочёсывать каждую лощину, каждую щель. Гулко разносило эхо трескотню автоматов.

Партизаны решили принять бой. Валентин спрятался за большой, поросший мхом валун, вытащил пистолет «вальтер», подарок командира...

Был март сорок третьего.

Вальку убила случайная пуля. А может, не случайная и целили в него. Он упал головой в зелёную траву, руки беспомощно скользнули по мшистому камню.

Вскоре всё стихло.

В поселок каратели вернулись с донесением о полном уничтожении партизанского отряда. Страшную ношу принесли они в Тоннельную.

До сих пор вспоминают старожилы, как пытали враги Евдокию Ивановну перед отрубленной головой сына...

Гнев и скорбь людей стёрли с лица земли здание комендатуры. Заросло это поганое место бурьяном.

В школе Верхнебаканского преподает сейчас музыку брат Вальки Володя. Он всё-таки вернулся живым, хоть считали его пропавшим без вести, хоть горел не раз и падал с пылающего самолёта.

Он много рассказывал мне про брата. Он очень его любил.

Нет, не напрасно Валька ушёл тогда в горы...

Никто не знает, где его могила. Ничего он вроде особенного и не совершил.

Но, проезжая через Тоннельную, вспомни о Вальке.

Он был один из многих, семнадцатилетних...

Публикуется по: Подыма К.И. Нам подниматься первыми. – Краснодар, 1976.